

18+

Светлана Чернавская

Одноклассники

Светлана Чернавская

Одноклассники

«Издательские решения»

Чернавская С.

Одноклассники / С. Чернавская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-654302-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Одноклассники — это почти родственники. Дружба,
любовь, ненависть — как в большой семье... Время все расставляет по
местам, но, к сожалению, не лечит... Сюжет основан на реальных событиях.

ISBN 978-5-00-654302-7

© Чернавская С.
© Издательские решения

Содержание

НОЧНОЙ РЕЙС	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Одноклассники

Светлана Чернавская

Редактор Светлана Чернавская

Корректор Светлана Чернавская

Дизайнер обложки Светлана Чернавская

© Светлана Чернавская, 2025

© Светлана Чернавская, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0065-4302-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все мы родом из детства.

Антуан де-Сент Экзюпери

НОЧНОЙ РЕЙС

«Доброе утро, дамы и господа! Командир корабля и экипаж рады приветствовать вас на борту самолета, выполняющего рейс по маршруту Новосибирск – Красноярск. Пожалуйста, застегните ремни безопасности и приведите спинки кресел в вертикальное положение...»

Под хрип и треск динамиков Сергей Кузнецов занял свое место в середине салона самолета, но сумку в багажный отсек закидывать не стал.

– Красавица, можно пересесть ближе к хвосту? Там мой одноклассник и соседнее место не занято, – изобразив самую обаятельную из своих улыбок, обратился он к бортпроводнице. Та и правда красавица, где хоть берут таких...

– Да, салон неполный, можете садиться на свободное место, – стюардесса, однако, его обаянием не впечатлилась.

Она на рабочем месте, ясное дело. Серега подхватил сумку и уселся рядом со школьным приятелем.

– Ну, здорово поближе, Артюха!

Они заметили друг друга еще в здании аэропорта, но в толпе и спешке успели только головами покивать.

– Надо же, где встретились! – Артем Новиков крепко пожал Сереге руку. – Давненько не виделись!

А было время – почти не расставались, как в первом классе Мария Сергеевна посадила за одну парту, так и просидели все десять лет локоть к локтю – выходит, благословила учительница тогда на многолетнюю дружбу. Рассаживала-то она мальчиков с девочками, но им девочек не хватило, а они тогда этому даже обрадовались. Жили неподалеку друг от друга, вместе шли на занятия, с занятий, порой не совсем кратчайшим путем, ища и находя приключения. Потом походы, рыбалка, волейбол...

– Серега, у тебя же в Красноярске бизнес, что забыл в Новосибирске? – Артем завожился в кресле, неловко устраиваясь. С его габаритами тесновато, конечно, ну да ничего, им в полете быть меньше двух часов. – На нашей последней встрече одноклассников ты вроде так рассказывал.

– Да вот, пригласили на хорошую работу, прилетал на собеседование. Надоела эта торговля, устал туда-обратно мотаться, Светка-то в Дивноярске работает, а магазины у меня в Красноярске. Теперь надо все продавать и обосновываться на новом месте. А ты ведь и учился, и живешь в столице Сибири?

– Ага, лечу к отцу на юбилей, – Артем наконец устроился и решил опустить столик, но при этом рассыпал газеты, торчащие из кармана впереди стоящего кресла.

Самолет набрал высоту.

– Смотри, парня ищут, – Серега поднял «Новосибирский вестник»: «Ушел из дома и не вернулся Варфоломеев Вадим Альбертович, 2001 года рождения, проживал в городе Дивноярске...» Так это же Ленки Новоселовой сын!

Артем забрал у него газету:

– Точно, похож на нее немного на фотографии. Опять пропал... Мне мама сегодня перед отъездом говорила по телефону, что какого-то парня в городе полиция ищет. Ты Вовку Тихонова давно видел? Он же вроде отец Вадима, а тут написано – Альбертович...

– Да, видел на днях, издавека, – растерянный, растрепанный какой-то, я к нему и не подошел. Он, говорят, психически болен, – Серега покрутил пальцем у виска. – А кто отец – надо у Ленки спрашивать.

– Тихонов и на встрече одноклассников прошлый раз не был... Зачем она за него замуж вышла – влюблена-то без памяти была в Сашку Козырева. А тот – в Таньку Белкину, – ударился в воспоминания Новиков. – А Козыря ты не видел? Он вроде должен освободиться.

– Нет, не видел, но по срокам, – прикинул Кузнецов, – скоро должен выйти.

– Да, вот жизнь, – протянул Новиков, – кто бы мог подумать, что так круто завернет... А Ленкин сын – ему, значит, где-то 17 уже, – погуляет, да и вернется домой. Помнишь, как мы с тобой в его возрасте – после выпускного возомнили себя взрослыми и отправились с одним фонариком в пещеры на берегу Енисея...

– ...а фонарик погас, и мы там заблудились, – продолжил Серега.

– Еще и Ленка с нами собиралась! Хорошо хоть Танька ее отговорила. Нас утром нашли, а мы спим на каменном полу, – хлопнул Артем ладонями по коленям.

Друзья переглянулись и захохотали во весь голос. Впереди сидящая женщина сделала им между креслами неодобрительные глаза – ночными рейсами обычно летают деловые люди, чтобы выспаться для завтрашних трудовых подвигов.

«Наш самолет приступает к снижению. Температура воздуха в аэропорту Емельяново...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТАНЬКА

...«Именем Российской Федерации Дивноярский районный суд в составе... рассмотрев материалы уголовного дела в отношении Белкиной Татьяны Валерьевны, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного статьями...»

Белкина Татьяна Валерьевна – это я. Преступление – убийство человека. Мне выносит приговор самый гуманный и справедливый суд на свете. Я сижу на скамье подсудимых. Это в самом деле скамейка, отполированная до блеска многими преступными задами. У нее нет спинки, чтоб нам, преступникам, жизнь малиной не казалась. И бронированного стекла нет – откуда в бюджете нашего маленького сибирского городишки деньги на него, зато решетка есть. Она прикручена к полу, кое-как, ржавые болты высоко торчат над полом.

Ставлю ноги на два из них, чтобы хоть чуть разгрузить затекшие мышцы. Могу через прутья покричать в зал, меня услышат. Там сидят отец, мама, почему-то в черном шарфике на голове, ее подруга тетя Наташа, моя подружка Ленка – отдельно, со свидетелями. Но что кричать? Я сижу в клетке. Птичка. Канарейка. Нет, попугайчик. Попка-дурак. Боже мой, какой же я дурак... Судья в черной мантии, присяжные... Все по-настоящему. А в окна льется солнечный свет, в его потоках золотятся и пляшут пылинки. Очень быстро пляшут. И черный судья взлетает кверху, как жених на картине Шагала, вращаясь и размахивая полами своей мантии. Мантия раздувается парусом, закрывает свет и становится темно...

... – Танюша! Доченька!

Мама зовет меня обедать, а так домой идти не хочется – сколько же времени можно потерять из-за этого дурацкого обеда. Мы ведь с Ленкой такие классные «секретики» собрали, теперь надо придумать, куда их схоронить. Мой – из разноцветных стеклышек, конфетти, крыльев бабочки и перламутровых горошинок. Мама бусы рассыпала, а две под кровать укатились. Я Ленке уверенно заявила, что это самый настоящий жемчуг. Но ее разве удивить – у нее «секретик» из осколков чашки от немецкого сервиза, фантика от заграничной конфеты и страусинового перышка...

– Доченька, открой глазки! Я вижу, что ты очнулась! – склоняется мама. Бледная, испуганная, в белом халате.

Больничная палата. Кафель. Раковина в углу. Провода над кроватью.

– Что со мной? – кричу я, но это мне думается, что кричу, на самом деле слова шипят в пересохшем горле, я сама себя не слышу.

– Попей водички, милая. Слава Богу, опомнилась! Мы в больнице, тебя прооперировали, врач обещал, что все будет хорошо. Ты неделю проспала, самое страшное уже позади.

Вода проливается на подушку, кажется, я за эти дни разучилась ее глотать. Горло как оцарапанное, язык не помещается во рту, в глазах песок, их хочется закрыть. И спать...

...Вадимка хохочет, заливается. Он убегает от меня по тропинке меж кустов смородины. Яркая зелень, солнце слепит глаза и золотит Вадимкину макушку, ласкает чуть загоревшие пухлые ножки и ручки. Сыночек недавно научился ходить, даже не пошел, а сразу побежал. Вот и сейчас топает по травке босыми пятками, оглядывается и хохочет! Я делаю вид, что догоняю. Подбежал к раскрытой калитке, выглядывает из-за куста ромашек, дальше насыпан гравий – как бы ножки не поранил. Но я не могу бежать, ноги тяжелые, а сына уже не видеть, лишь слышу смех...

...Смеются в больничном коридоре, этот заразительный хохот узнаю сразу, еле очнувшись. Так умеет только Гулькина, моя одноклассница, мы с ней вместе в медучилище учились,

она теперь в нашей больнице палатной медсестрой работает. Ей палец покажи... В классе за это прозвали Хохотунчиком.

– Светка! – я опять вроде бы кричу...

– Проснулась, соня! Спи, тебе надо спать, ты же на снотворном. Во сне выздоравливают, и дырка твоя быстрее заживет!

– Какая дырка? Где? – не понимаю я.

– Так в твоей черепушке! Да не переживай, Иван Тимофеич тебе ее заштопал, ты же знаешь, у него руки золотые, будешь как новенькая.

С трудом поднимаю руку, трогаю лоб – голова забинтована, вот почему она болит и в ней долбит небольшой дятел.

– Что со мной случилось?

– Да завалилась ты в суде, сознание потеряла в клетке и долбанулась об какой-то там штырь, аккуратно посередине лба дырка, как от пули. Ничего, Иван Тимофеич сказал, что под челкой шрама совсем видно не будет.

– А где мама? – ищу глазами, голову боюсь повернуть.

– Скоро придет. В церкви, девять дней сегодня, – сразу серьезнеет Светка.

– Кто умер? – всплывает в памяти мамин черный шарфик. – Дядя Костя?

Дядя Костя – старший брат моего отца, недавно перенес инсульт. Умер, значит. Как жалко, такой хороший был человек, и мама с его семьей дружила...

– Да вот она уже каблучками стучит в коридоре! – Светка пропускает мой вопрос, торопливо открывает дверь и просачивается за нее.

– Здравсьте, Ольга Сергевна!

Мама моя молодая и красивая. Когда гуляет с Вадимкой в коляске, никто не принимает ее за бабушку. Но сегодня она старая и бледная, еще этот черный шарфик. Лицо сливается с больничной дверью, голубые глаза какие-то водянистые. За спиной стоит мой отец...

И тут я все понимаю. Мама падает на колени перед моей кроватью:

– Доченька, прости меня...

ЛЕНКА

Танька Белкина – моя самая близкая подруга. И одноклассница. И одnogруппница – в детский сад вместе ходили. Нас матери и рожали в одном роддоме, в один день. Вообще-то в нашем городке и роддом-то вроде бы один. Танька, конечно, появилась чуть раньше, она всегда и во всем впереди меня. В садике наша группа за ней хвостом ходила: подружка была врачом, «лечила» всех желающих. перевязки делала ленточками, уколы карандашом, «шины» на «переломы» из набора строителя накладывала, «таблетками» (конфетками) кормила... И все слушались. После обеда спать по ее команде укладывались, потому что в «больнице» тихий час. Воспитатели еще и подыгрывали, бинты и вату Таньке приносили – чем бы группа ни тешилась, лишь бы не плакала.

Одна я не «болела» и «лечиться» не хотела. Из протеста книжки рвала и куклам головы откручивала – я была новенькая, а хотелось, чтоб на меня внимание обратили. И даже пыталась Таньке чем-нибудь навредить, но после садика шла к ней домой играть, потому как в их маленькой квартирке разрешалось и шалаш из покрывал строить, и в мамины вещи наряжаться. А еще у них жили кошка с котятками и золотые рыбки. За подводной жизнью в подсвеченных аквариумах, которые занимали всю маленькую комнату, можно было наблюдать бесконечно – тетя Оля, Танькина мама, рыбок на продажу разводила. И никогда не сердилась на нас, когда мы бумажками намусорим или тряпочек нарежем, выкраивая куклам платья. Она мед-

сестрой в поликлинике работала, вот подружка за ней и обезьянничала – «лечила» всех. Стать врачом мечтала еще тогда.

У меня-то дома наоборот: огромная квартира – объединены две смежные, еще в одной на лестничной площадке жила бабушка, мать отца, – весь десятый этаж наш, туда никто, кроме нас, на лифте и не поднимался. Раз в неделю приходила женщина убирать хоромы, продукты привозил водитель.

Папа – большой начальник, директор деревообрабатывающего завода. Его мы с сестрой Надеждой видели редко – пропадал на работе, на совещаниях, ездил в командировки, в лес-промхозы, даже за границу; чаще смотрели на него по телевизору на местном канале. Да и мама вниманием не баловала, у нее была святая цель – обеспечить папе максимум удобства в быту. Это когда он дома бывал... К тому же маме надо было хорошо выглядеть, у нее для этого имелись и «свой» парикмахер, и «своя» маникюрша. Гостей к нам не приглашали, родители встречались с ними и отмечали праздники в ресторане.

Но у нас с Надеждой была Муся. Муся – наша няня, она вырастила и сестру, и меня, жила с нами, в отдельной комнатке, не помню, имелись ли у нее родственники, наверное, мы и были ее семьей. Полное имя няни я узнала уже после ее смерти. Мария. Мария Родионовна. Почти Арина Родионовна...

Папа был сильно старше мамы, помню, что его усы всегда были уже седые, с мамой у него – второй брак. От нас с сестрой это семейное обстоятельство и не скрывали; мне-то все равно было, а вот мама с Мусей иногда на кухне обсуждали первую папину жену, называя ее «эта». Я их разговоры краем уха слышала, но речь в основном шла о деньгах. И еще у папы имелся взрослый сын, «обалдуй». Что это слово обозначает, я тогда не понимала и ни разу этого обалдуя не видела.

В нашей квартире блестела полировкой югославская мебель, красовалась немецкая посуда, персидские ковры – все, что считалось дефицитом в 80-х годах прошлого века. Но не дай Боже залапать стенку, насорить на ковре, попрыгать в кресле. И должно быть тихо. Особенно если папа дома, в кабинете. Папа работает. У него стоял свой телефон, отдельная линия, но обстановку помню смутно. Мама не работала. Естественно, в наш дом-музей приводить подружек строго воспрещалось, исключение делалось для одной Таньки, и то – лишь попить на кухне чаю и полистать в моей комнате книжки. И чтобы тихо.

Но к Таньке меня отпускали, она у мамы вызывала доверие: огромные голубые глаза в черных ресницах, две тугие косы, красивые платица, сшитые тетей Олей. «Куколка» – называла ее моя Анна Петровна. И умная, зараза, все книжки читала.

Старшая сестра Надежда тоже умная и тоже книжки читала, ее комната вся была в полках с ними. Старше всего на три года, но между нами в детстве существовала пропасть. Казалось, что даже мама ее побаивается – называла обычно полным именем, я, конечно, так же, а иногда в шутку и по имени-отчеству к ней обращалась. Сестра забирала меня из детского сада, помогала с уроками, но своими наставлениями доставала больше мамы. Мне постоянно приводили ее в пример! В школе Надежда была отличницей, активисткой, к папе в кабинет заходила смело. Она потом, получив экономическое образование, стала работать у отца финансовым директором. Ну это я уже вперед забежала...

В 1-й класс мы с Танькой, естественно, пошли вместе. Подружка в сшитом мамой форменном платьице и воздушном фартучке казалась мне сказочной феей. Фартучек и для меня тетя Оля предлагала сшить, но мама уже заказала его у «своей» портнихи из кружева, привезенного папой из заграницы. Он стоял колом и лямки с крыльями то и дело сползали.

За одну парту нам сесть не разрешили, Таньку посадили с Сашкой Козыревым, который как вылутился на нее с открытым ртом, так и не закрывал его до 10-го класса, а меня – с Вовкой Тихоновым, с Тюхой. Тюха был кругленький, в кругленьких очочках и жевал на переменах, а то и на уроках, бутерброды и котлеты в промасленной бумажке. Мне казалось, что и я вся пропахла чесноком, пинала его ногами под партой и жутко ненавидела. Но со временем пришлось смириться – Тюха оказался отличником и помогал на контрольных. Вот только вздумал неровно ко мне дышать, но, хотя котлеты поедать перестал, лучше бы не дышал...

На Таньку рот открывал не один лишь Козырь, к старшим классам ее оформившаяся фигурка сводила с ума многих пацанов в школе. Но она как будто этого и не замечала и гулять ни с кем не хотела. Книжки свои читала! И в школе на переменах читала! Забьется в уголок в раздевалке и страницы перелистывает.

ТАНЬКА

Ленка... Моя подружка. Самое яркое воспоминание из детства – как строился дом напротив пятиэтажки, в которой жили мы с мамой и тогда еще с папой. В нашем городке это был самый первый высотный дом – облицованный красным кирпичом, с башенкой на крыше, с часами и термометром под ней. Я по ним с мамой и цифры выучила. Дом рос как на дрожжах, двигалась стрела огромного крана, покрикивали строители. Бабульки-всезнайки на лавочке неодобрительно комментировали: «Для начальства строят!» В эту новостройку и вселилась Ленкина семья: из черной «Волги» вышел папа, солидный, серьезный и с усами; мама, красивая, в модном плащике и лодочках на шпильке – она опустила эти лодочки в пыль по щиколотку и на какое-то время замерла в нерешительности; в это время с заднего сиденья выпорхнула худенькая кудрявая девчушка и сразу побежала.

– Лена, ко мне! – строго остановила ее девочка постарше с туго заплетенными косичками, уложенными корзиночкой. В одной руке она держала портфель, в другой – клетку с попугайчиками.

– Надежда, можно я с девочкой познакомлюсь? – кудряшка уже бежала ко мне, спотыкаясь на щебенке. – Привет! Меня Леной звать! Давай дружить!

Вот такая она и есть, Ленка, – получить все, чего захочется, причем немедленно. Меня она тоже получила, ну так она считала, по крайней мере, – в садике всех детишек от меня отпихивала. Да я и не возражала – она хоть и капризная, но дружить с ней было интересно, это ж настоящий фонтанчик всяких выдумок и проказ. Детсад у нас прямо во дворе находился, Ленку-то хотели в какой-то престижный записать, но она дома рев подняла: «Хочу с Танькой» – и через неделю мы встретились в группе. Наши мамы позже друг друга вспомнили – они в роддоме познакомились, когда нас рожали, 25 января 1979 года.

Папа у Ленки был большим начальником, и сам большой, и квартира у них большая. Даже няня у нее была! Еще имелась бабушка, папина мать, она жила в соседней квартире, Ленка ее терпеть не могла. Родители ее мамы, Анны Петровны, часто передавали с поездом вкусные фрукты и орехи из своего сада у домика в южном курортном поселке. К ним в гости иногда приезжал армейский друг отца, капитан дальнего плавания, однажды он привез ананас –

Ленка угостила, этот фрукт я попробовала впервые в жизни. У меня-то ни бабушек, ни дедушек не было – давно умерли...

В школу нас отвели вместе, сдали учительнице, нарядных и притихших. Ленка вцепилась в мою руку и хотела сидеть за партой только со мной. Но у учительницы на нас были другие планы: девочки должны сидеть с мальчиками. Однако моя подружка Ленка стояла, похоже, двух мальчиков: все ей казалось, что ее кто-то обижает, она постоянно раздавала девочкам тумаки, потом ревела, что с ней никто дружить не хочет. Мне ее жалко было, пусть та и ревновала меня ко всем, в том числе к учительнице. Соседа по парте Ленка излупила в первый же день, не помню за что, наверное, просто для профилактики. Доставалось ему и потом, несмотря на то, что он решал за нее задачки. Тихонов отличник был и тихоня. Тюха.

А мой сосед Козырев – хулиган: то окно разбил, то мух в банке на урок принес и в классе полетать выпустил, то подрался, то на парте $C + T = L$ ножичком вырезал. С – это Саша, Т – Таня, а дальше – его фантазии. Его маму постоянно в школу вызывали, потом стал приходить только отец, поговаривали, что у них в семье что-то случилось. Сашка-то отлично учился в младших классах, но потом каким-то диким стал, школу прогуливал. Все выяснилось уже перед выпускным, мне тогда так жалко стало одноклассника, хотя раньше частенько на него обижалась и злилась. Все лето после 9-го класса он работал грузчиком на заводе, сам купил одежду к выпускному вечеру. Говорят, была на выпускном и его мама, но стояла, наверное, где-то в сторонке, я ее не видела.

ЛЕНКА

...И угораздило же меня родиться в маленьком сибирском городке! Ни больших магазинов здесь, ни зоопарка или парков с развлечениями, как на море, где мы отдыхаем всей семьей каждое лето. Нет, море-то у нас есть – Красноярское, но это же смех, а не море! Водохранилище. В нем не купаются, потому что в воде плавают «топляки», не утопленники, но вообще-то – да, утонувшие при затоплении деревья. Лето у нас короткое... Бесит меня такая окружающая обстановка, но у мамы один ответ: в чужом городе мы никто, а здесь – всё!

Самое главное, чем известен наш город, – деревообрабатывающий завод, ДДЗ, которым руководит папа, там полгорода работает. Завод производит мебель, всякие деревянные изделия, стройматериалы, продукция даже на экспорт отправляется. Он построен в стороне от жилых кварталов, чтобы не долетали вредные выбросы, рабочих туда доставляют на больших желтых автобусах с трафаретом «ДДЗ», а у папы есть служебная машина с персональным водителем.

Новоселова Николая Степановича упоминают в каждом номере «Дивнойрской правды» – то какие-то новые технологии в обработке древесины, то делегации из Японии и Китая... Короче, наша фамилия не сходит с газетных полос. Мама внимательно читает все статьи, и Надька тоже, сестра вообще делает все, чтобы папе понравиться. Она и похожа больше на него – он плотный, кряжистый, с густой шевелюрой и Надька вся такая сбитая – спортсменка, стрельбой из лука занимается. А мне этот завод не-ин-те-ре-сен! Правда, товары, которые поступают из Японии в обмен на нашу древесину, по «бартеру», так это называется, – обалденные! Ни у кого в классе нет такой модной обуви, как у меня! Платья-то полагается в школу носить только форменные, а жаль, у меня от красивых вещей шкаф ломится! Только висят на мне все одежды, как на вешалке, – я высокая и худющая, мама говорит, что во мне все калории сгорают, потому что егоза и нервная.

...Папу видеть дома мы совсем перестали, мама объяснила, что у него запарка на работе, потому что идет приватизация. Достали уже с этой приватизацией, ваучеризацией... Даже

бабки, вечно сидящие у Танькиного подъезда на лавочке, обсуждают это. За ужином спела частушку, которую от них подхватила:

– *Жили плохо, жили худо
До деноминации,
Обдерет последний рубль
С нас приватизация.*

Но мама мой вокал не оценила, лишь сердито звякнула крышкой об кастрюльку.

– Лучше б уроки учила, чем всякую ерунду запоминать! Вот бери пример с подруги: Танюшки отличница и маме помогает, а ты – с четверки на тройку!

– Дура! – резюмировала Надежда, подбирая последние крупинки риса с тарелки.

А мне до лампочки эта приватизация, вот Козырь на меня вроде стал внимание обращать, понял, может быть, что моей подружке даром не нужен, этот факт волнует гораздо больше. А в институт меня папа «поступит» и с тройками, я сама слышала их с мамой разговор об этом, так что зачем из кожи лезть? Надежда-то сама поступила: с сентября начнет учиться в Красноярске на экономиста, она школу с золотой медалью окончила. Ну не всем же быть такими умными! Слава богу, скоро сестрица от нас свалит и меня не будет доставать своей правильностью...

...О результатах папиной запарки на работе я узнала опять-таки из телевизора – в новостях Новоселова Николая Степановича поздравляли с назначением на должность генерального директора Акционерного общества Wood&World. Мама объяснила, что деревообрабатывающий завод приватизирован, то есть перешел в частные руки, владеют им теперь акционеры, и папа среди них самый главный. Эти акционеры и выбрали его своим генеральным директором.

– Теперь будем называть папу генералом! – хихикнула я.

– Нет, она не просто дура, она идиотка! – вздохнула моя умная старшая сестра...

...А я не особо вникала во все эти пертурбации у папы на работе: ну как был он директором, так директором и остался. Для нашей семьи в общем-то почти ничего не изменилось, разве что у отца появилась новая машина – ни у кого в городе подобной не было! Папа часто сам садился за руль, обходясь без водителя, так ему нравился плавный ход иномарки.

Мои надежды на свободу в отсутствие дома Надежды не оправдались: наш Дивноярск от Красноярска близко, меньше ста километров, и она почти все выходные проводила дома – папа отправлял водителя за принцессой. Эта Надежда Крупская продолжала учить меня жить и заставляла готовиться к экзаменам, иначе обещала отправить в ПТУ после восьмилетки. Сигареты у меня нашла. Да не курила я! Так, иногда...

Говорят, что 90-е годы были «лихие». Это по прошествии времени их так окрестили, а тогда происходящее называли «перестройкой». Но я не замечала никакой лихости вокруг себя, и перестраивали что-то, видимо, в других местах. Правда, Танька ходила подавленная – в семье было не все в порядке. Тетя Оля стала торговать вещами на рынке, я попросила Таньку об этом в школе не рассказывать, мне и дружить с ней стало неудобно. Еще папа запретил мне вечерами гулять допоздна – какие-то бандиты в городе развелись.

У Таньки дома тетя Оля с тетей Наташей только и рассуждали о деньгах, ценах, о том, что какие-то продукты стало трудно купить... Так скучно! Я тогда перестала ходить к ним в гости, у нас-то дома было все по-прежнему. Как это может не быть каких-то продуктов в магазинах? Для чего тогда магазины?

Ну не понимала я, что отцовская широкая спина заслоняет все наши семейные беды, в том числе предполагаемые, что еще где-то за горизонтом. Стоило маме заикнуться о любой проблеме, как папа тут же улаживал дело одним-единственным звонком. Папа решал все!

ТАНЬКА

Можно сказать, что я выросла в больнице: мама, работая процедурной медсестрой, частенько брала меня с собой в поликлинику, когда, например, мою группу в садике закрывали на карантин или на ремонт. А то и просто так с ней напрашивалась – обещала тихонько «лечить» кукол за стеллажом регистратуры или поить их чаем в бытовке и свое обещание сдерживала, никому не мешала. Мне так нравилось быть частичкой этой чудесной общности в белых халатах, которая превращает больных людей в здоровых, нравилась стерильная, до блеска, чистота и особый, медицинский запах. «Лечила» я и своих одноклассников в садике и с детства представляла себя врачом. Хирург Иван Тимофеевич угощал конфетками и приговаривал: «Растет наша смена!»

Мама любила свою работу, рассказывала, что так же в детстве любила всех подряд «лечить», и утверждала, что если человеку нравится чем-то заниматься, то такое дело не в тягость. Вот тетя Наташа, подруга ее, не смогла работать медсестрой, хотя и медучилище вместе закончила, – тошнит ее при виде крови! И никогда бы мама не ушла по своей воле из поликлиники, но... Наступили 90-е... Отцу на пивзаводе, где он механиком работал, перестали платить деньги, пивом выдавали. И смех и грех: на рядом расположенном мясокомбинате зарплату выдавали колбасой и у работников процветал натуральный обмен «зарплатами». Позже пивзавод вообще закрылся, а папка, по маминым словам, от рук отбился – к пиву пристрастился. Потом он стал работать в тайге, вахтами, вахты длились все дольше, дома он бывал все реже. Маме тоже зарплату задерживали...

Однажды вечером в нашей квартирке раздался звонок, я обрадовалась – решила, что папка с вахты приехал, побежала открывать дверь. За порогом обнаружилась шикарно одетая блондинка: в кожаной юбке, кожаной куртке, чулках в сеточку. Я растерялась, но тут в коридор из кухни вышла мама, вытирая руки о фартук.

– Наташка! Ты куда так вырядилась? Неужто все так плохо?

– Нет, Оля! Все хорошо! Это наша с тобой новая работа! – тетя Наташа крутанулась на каблуках. – Нравится прикид?

– Наташ, мы с тобой не староваты для такой работы?

– Да ты о чем подумала? – ее подруга заулыбалась во весь ярко накрашенный рот. – Вещи – Турция! Вытаскивай заначку, едем в шоп-тур! Зря, что ли, мы с тобой загранпаспорта делали?

Я, открыв рот, наблюдала, как тетя Наташа, сбросив лодочки на высоченных каблуках, стаскивает с головы белые лохмы – это ж парик! А вещи она для наглядной демонстрации одолжила у соседки, разбитной Анжелки, которая уже давно торгует на рынке париками и какими-то тряпками. Долго две подруги сидели на кухне и обсуждали грядущий бизнес...

– ...Так, Танюша, остаешься за главную, – мама собирала сумку, растерянно впихивая то одну вещь, то другую. – Кто его знает, что брать, что не брать, кипятильник не забыть, заварку, лапшу в пачках...

Растеряешься тут – в первый раз едет за границу.

– Мам, может, не поедешь? Ну ее, эту Турцию, – почему-то мне казалось, что мамка обязательно там потеряется.

– Не волнуйся, Анжелка с нами поедет, она в этих делах, как рыбка в воде. Деньги нужны, дочка, вон – явился с вахты, еле выцарапала у него остатки от полочки, друзей в гараже пивом два дня поил! Смотри тут за ним! – мама метала сердитые взгляды на супруга, виновато сидевшего у телевизора, она его последнее время и по имени перестала называть.

Как же досадно, когда родители ссорятся, ведь я люблю обоих, и так хочется, чтобы все было по-прежнему... Я держала язык за зубами, так папка велел: он на пиво-то вряд ли много потратил, еще же запчасти для машины купил. Завтра, как только наша Ольга Сергеевна улетит в Турцию, мы с ним пойдем в гараж, там его друг дядя Женя, сосед по гаражу, один из гаражных

друзей-«алкашей», уже ремонтирует отцовскую «раздолбайку», как ее мама называет, и папка будет меня учить вождению! Это наш с ним секрет!

ЛЕНКА

...Танька все успевает: и к экзаменам готовится, и торговать на рынке маме помогает. У Ольги Сергеевны там ларек на пару с тетей Наташей, летают по очереди в Турцию за товаром, а Танька тогда кого-то из них подменяет. У нее вся комната клетчатыми сумками с вещами заполнена, мы иногда устраиваем примерочные дни: подбираем самые нелепые сочетания нарядов, нацепливаем парики и ухахатываемся. Их торговая точка на рынке называется «Анатолия» – типа Турция, но в этом слове и имена хозяек содержатся, а еще дело не обошлось без романтики: у тети Наташи первого мужчину звали Толиком!

А вот я бы хотела, чтоб моим первым мужчиной стал Сашка Козырев. У меня и с учебкой-то не очень, потому что о нем все время думаю. Заметила за собой такую интересную способность: не глядя на дверь, каким-то образом чувствую, что сейчас именно он вошел в класс. Мы просто созданы друг для друга! Он за прошлое лето заметно вытянулся, отрастил темную шевелюру, черные глаза сверкают из-под густых бровей, у него даже усики появились. Научился на гитаре играть, девчонки-старшеклассницы так к нему и липнут. Спортom занимается, ходит на секцию волейбола, по вечерам с пацанами играет на школьной площадке.

Я уговорила Таньку тоже туда ходить: сначала вроде как поболеть, затем Козырь стал приглашать меня в свою команду, когда человека не хватает, мой рост для волейбола подходящий. Танька отказывается – мяча боится, так этот влюбленный пялится на нее, сидящую в сторонке на лавочке, и передачи делает куда попало! Пару раз и я изображала страдания от удара мячом, чтоб Сашка пожалел, но он меня быстро раскусил. Вообще-то какой Таньке волейбол – она мелкая, но фигуристая, зараза, с волной русых волос, а я тощая дылда. Мама говорит, что у меня параметры модели, и я своего счастья не понимаю. Может быть, но Козырь-то влюблен в Таньку, хотя эта дура этого и не замечает. Так бы и стукнула его! И ее тоже!

А по мне сохнет Тихонов. Вот почему такая несправедливость – ему бы на Таньку внимание обратить: оба зубрили, хорошая получилась бы из них парочка! Он записался в радиокружок в школе, поет там что-то. Книжки умные про всякую радиоаппаратуру и про космос читает. И фантастику. Мне подсовывает, да больно надо. Вот кто сказал, что мужское внимание – это здорово? Если сопит, поглядывая на тебя, обожатель, подобный Тюхе – аж противно! Ну ладно, черт с ним, пусть сопит, зато он мне контрольные по математике помогает делать.

Я даже у мамы спрашивала совета: как обратить на себя внимание мальчика, который нравится? Пацанам проще – они в таких случаях в младших классах девочек за косички дергали, а теперь начинают взглядом раздевать – ни с чем такой взгляд не спутаешь. Она ответила, что надо чем-то выделиться из общей массы. Но чем? Мне уж коричневое школьное платье Муся укоротила – выше некуда!

Уговаривала маму купить настоящий бюстгальтер, а то все какие-то детские ношу, но они с Надеждой меня обсмеяли. Пришлось с этим обращаться к Танькиной маме, и тетя Оля привезла из Турции то, что надо, – со специальными прокладками. И еще решила перекраситься в блондинку – хуже Таньки я, что ли. Парикмахерскую устроила на дому: купила в аптеке нашатырь, перекись водорода... И все делала так, как девчонки-старшеклассницы посоветовали, но результат вышел неожиданный: цвет получился апельсиновый и не сплошной, а пятнами.

Когда на следующий день явилась в школу с этой гривой, точно лошадь в яблоках, и пышной грудью (еще и ваты подложила в чашечки для убедительности), на меня из других классов приходили посмотреть – уж выделилась из общей массы, так выделилась! Надо сказать – мальчишки-старшеклассники смотрели очень даже заинтересованно... Один Козырь ржал, как дурак.

Вот почему такая несправедливость – почему девочки не могут сами выбирать, а должны заинтересовывать и ждать, пока выберут нас?

ТАНЬКА

...Ленка влюблена в Сашку Козырева, каждый день приходится выслушивать ее страдания. Мне и самой он нравится – высокий, красивый, спортивный, но виду не показываю. Хулиганит, но выходки его какие-то несерьезные, будто дурачится или энергию ему девать некуда. Так-то он добрый. У Светки, одноклассницы, зимой куртку украли – он ей свою отдал, чтобы домой в ней добралась, а сам в свитере побежал. И собаку, сбитую машиной, подобрал и выходил. Она теперь их дом охраняет, его семья в частном секторе живет. Вот только Козыреву девочки постарше нравятся, они сами к нему пристают, видела, как он с десятиклассницей прямо на перемене на лавочке в школьном дворе целовался. Куда нам – одноклассницы для него соплячки. Новоселова, правда, ревнует Сашку ко мне.

Ленка – это просто тридцать три несчастья, у мамы есть такая поговорка. Подружка без конца влипает в какие-то неприятности, а я ее оттуда вытаскиваю. Ну надо же было придумать – в походе, куда мы отправились после восьмого класса на залив, отвязать лодку, отплыть на ней, потом перевернуть и изобразить, что она тонет. Утверждает – хотела, чтоб Сашка ее спас. В результате спасала я и сама чуть было не утонула, а мальчишки крепко спали в палатке и ее вопли просто не слышали. Подговаривала позвать в гости Козырева, когда моя мама уедет в Турцию, и оставить их вдвоем. С ума сошла, нам с ней только по 15 лет зимой исполнилось.

Мне бы ее проблемы: от нас с мамой уехал отец, и, похоже, насовсем. Завербовался куда-то на Крайний Север, говорит, что супруга его запилила. Нет в ней женской дипломатии, так тетя Наташа утверждает, и якобы потому, что ее подруга детдомовская – не имела примера семейных отношений. А сама-то тоже одна, пусть и не детдомовка, и детей нет, но она помоложе мамы, ей 30 чуть с хвостиком – шутит, что ее принц до нее пока недоскакал...

...Как я поняла, что наш Валерий Иванович собирается оставить семью навсегда? Он всю осень учил меня водить машину по гаражной территории, причем прямо заставлял это делать. И как то проскользнуло у него: «Без меня»... Ох и боязно было впервые сесть за руль старушки-«копейки», все ведь надо упомянуть: пристегнуться, посмотреть в зеркала, включить поворотник, выжать сцепление, газ, тормоз, передачи... С ума сойти... Сердце выскакивает, руки мокрые. Помню, домой возвращались уже в сумерках – я пошатываясь, а папа довольный, похваливал. Дома пошла мыть руки, смотрю – ладошки у меня синие! Отец и то перепугался, но мы быстро поняли – это оттого что то и дело вытирала вспотевшие руки о турецкие «джинсы» цвета индиго. Первое время мышцы сильно болели, потому что рулевое колесо повернуть сил не хватало, но через несколько занятий приспособилась. Зимой еще была пара уроков – езда по льду и снегу, потом папа уехал.

Перед отъездом заставил меня пообещать, что в 18 лет получу права. Я несколько дней проплакала, хотя мама и убеждала, что оплакивать некого. У нас родни-то и нет. Есть у мамы только тетка, Варвара, но она далеко живет, в Иркутской области. Мы один раз вместе с мамой ее навещали: из Красноярска ночь ехали на поезде, а на станции встретил Варварин знакомый дядя Федор на «уазике», иначе в их деревню не проедешь, мамина тетя еще и живет на отшибе, за озером. С дядей Федором вместе приехал его сын Васька, на год меня старше, мы с ним бруснику у озера собирали. Конопатый и лопоухий.

...Про мои навыки вождения мама не знала. У нее в то время бизнес в гору пошел. В квартире вся маленькая комната и балкон были завалены клетчатыми сумками с одеждой, ларек-то на рынке крохотный, мало что вмещается, там и примерочная – на картонке за дверью. Как ни странно, в те безденежные времена одежду народ все равно охотно приобретал, ведь раздетым ходить не станешь; особенно хорошо уходило нижнее белье, колготки, носочки – вещи скоро-

портящиеся. Даже парики иногда покупали. Парик за стеклом в окошке стал этакой фишкой у наших бизнесменш, про ларек так и говорили: «тот, что с головой», название «Анатолия» в народе не прижилось. Дома на гладильной доске постоянно парил уют, чтобы разглаживать вещи, предназначенные на продажу, появилось зеркало в полный рост, даже манекен в парике в углу стоял, которого я пугалась. К нам и домой покупательницы приходили, однажды Ленка свою маму приводила. Анна Петровна купила себе футболку и хлопковые носочки на всю семью, наверное, лишь бы с пустыми руками не уходить, чтоб не обидеть. Она-то к итальянским вещам привыкла.

Папа звонил. Но мама, заслышав длинный междугородний звонок, не подходила к телефону и мне не разрешала. Иногда все же удавалось с ним поговорить, если была дома одна, в основном через своего брата, дядю Костю, отец только приветы передавал. У него и телефона дома не было, звонил с почты. Обосновался в маленьком северном поселке, куда можно добраться исключительно на лесовозе и вертолете; поселился в балке, так называются временки; работает механиком на автобазе. Рубят лес, строятся дома, тянут дорогу... Он уверен – скоро жизнь наладится. Присылал маме деньги, но та гордо отправляла их обратно. Позже стал слать на мое имя, и я стала их копить... Потратилась, правда, на выпускное платье – один раз в жизни ведь такое событие. Вернее, добавила свои деньги и заказала наряд из турецкой ткани не в ателье, а у портнихи Ленкиной мамы. Дорого, конечно, но вышло обворожительно. Ленка зачем-то точно такой же фасон заказала, правда, ее ткань была из Милана и сидело платье на высокой стройной подружке по-другому, но шлейфами по полу мы мели синхронно.

На вечере Саша Козырев вел себя достойно, что удивительно, – ведь все ребята напились. А он весь вечер со мной танцевал, позже родители одноклассников говорили маме, какая мы были красивая пара. На обложках выпускных альбомов фотограф разместил снимок: высокий стройный Козырев в строгом костюме, вздымается мой воздушный шлейф и облаком окутывает нас обоих. Будто свадьба...

ЛЕНКА

Вот зачем Танька на выпускной выбрала этот фасон платья? Венчальный наряд, да и только – меня подразнить, не иначе. Ну и я назло ей точно такой же заказала, хотя она, кажется, этого и не заметила – от нее весь вечер Козырь не отходил. А от меня Тюха. Правда, он вытянулся, выбросил свои очки – то ли зрение поправилось, то ли стал линзами пользоваться, но мне неинтересно. Вообще-то этот ботаник с золотой медалью школу закончил. Набрался смелости, в любви мне признался. Пристал с вопросами: куда ты поступать собираешься? какие планы на будущее? Что мне собираться – папа все решил: учиться буду в Москве, в социальном университете, квартиру снимет, буду получать профессию психолога. Мама утверждает, что это очень престижно. Мне без разницы – престижно, не престижно, Танька-то со мной не поедет. Они со Светкой Гулькиной будут поступать в Красноярское медучилище...

... – Бросаешь меня, Танька? А как же твоя мечта стать врачом? – я из вредности спросила, знаю, что ее родители шесть лет учебы не потянут.

– Лен, все впереди – не уверена, что поступлю в мединститут с первого раза, а права на ошибку у меня нет. Отучусь на медсестру, подготовлюсь, там видно будет...

– Ну а Козырь куда поступает? – спрашиваю с деланным равнодушием.

– В Красноярск. Куда именно – не говорит.

Понятно, куда ж еще. Наша Надежда тоже в Красноярске учится, третий курс закончила, сейчас практику в бухгалтерии завода проходит. А меня с глаз долой отправляют, папа сказал, что Лену, мол, нужно изолировать от неблагополучной компании – это, между прочим, одноклассники Надежды, стильные ребята. Ну, подумаешь, пару раз на вечеринках с ними погуляла, рассвет на заливе встречали. Да Бог с ними, меня изоляция от Таньки больше расстра-

ивает. Да, ненавижу ее, но жить без нее не могу! Не хочу ехать в Москву! Не хочу! Я так маме и прорыдала. Ответ один: не огорчай папу, он столько перенес ради нас. Что перенес? Рассказываю...

...Когда папа стал генеральным директором приватизированного завода, не всем это понравилось, особенно его заму по экономике Кротову. Ведь, гад ползучий, отмечал назначение вместе со всеми папиными друзьями в самом крутом ресторане, сидел рядом, пил-ел. Потом руководящие работники отправили своих детей на горнолыжный курорт в Словению, сами не смогли поехать на отдых – работы много. И Андрей, сын Кротова, полетел, у них с Надеждой тогда только начинал расцветать бурный роман. Но он грохнулся на какой-то сложной трассе и улетел аж в Австрию, его австрияки на санках из сугроба вытаскивали и операцию на ноге там сделали. Открытый перелом, долго восстанавливался, но хромота осталась, а у Надежды за это больнично-костыльное время интерес к незадачливому горнолыжнику пропал.

И вот этот зам Кротов, бывший коммуняка, начал вдруг под своего начальника рыть, как крот, – типа нечестно была проведена приватизация и т. д. Подготовил бумаги, собирался лететь в Москву, в Генпрокуратуру с кляузами, но в ночь перед вылетом его в упор расстреляли у калитки собственного коттеджа. Убийцу задержали быстро – дважды судимый лох, он обрез с отпечатками пальцев забросил в кусты неподалеку, где его сразу же и обнаружили. Он недавно освободился, сидел за ограбление кассы леспромхоза, где Кротов был директором, тот его лично тогда и поймал с поличным (такой вот каламбур!). Однако отца долго мучила допросами милиция – очные ставки, следственные эксперименты, хотя несколько его друзей подтвердили, что в ночь преступления Николай Степанович отмечал с компанией чей-то там юбилей, гуляли почти до утра, и он никуда не отлучался. Папа даже похудел тогда...

...Конечно, я его не буду огорчать, он мой любимый папочка, таких отцов поискать, – поеду на учебу в Москву, это вообще-то прикольно, мне просто без Таньки не хочется ехать...

ТАНЬКА

В медучилище я поступила легко, в школе-то училась отлично. Светка похуже, но она всегда все берет обаянием, так что с экзаменами у нас проблем не было. Правда, моя первая учительница расстроилась, когда узнала, что я не попыталась поступить в мединститут... Это медучилище закончила когда-то и моя Ольга Сергеевна. Она и вступительные экзамены ездила со мной сдавать, ждала в коридоре, заходила потом в аудитории, удивлялась, что ничего не изменилось, лишь общежитие сильно ругала:

– Дочка, как же ты там будешь жить... Зимой холодно, ветер так и гуляет по коридорам, да и слава про общагу нехорошая...

– Мам, не переживай, мы со Светкой комнату снимем, ее родители уже подыскали подходящую, – я вертела головой перед зеркалом, примеряя парик из новой партии – выющиеся каштановые локоны ниже плеч.

– Ты на Ленку хочешь быть похожей? Она волосы отпустила, как у тебя, только ты – блондинка, в отца, – вздохнула мама. – Верни парик на манекен, мне его еще продавать. Не знаю, потяну ли арендную плату за комнату...

– Мам, я тебе не говорила, чтоб ты не обижалась, но мне папа переводы присылает, я скопила кое-какую сумму. И поработаю с тобой в оставшееся до учебы время, – я распаковала клетчатую сумку с леопардовыми лосинами. – Боже, разве это можно носить?

– Танюш, тогда ты лучше с Анжелкой поработай, она тебе заплатит, у нее напарница заболела, а мы с Наташей пока сами справимся. Лосины – последний писк моды, – улынулась мама.

Они с тетей Наташей летали теперь за товаром в Турцию по очереди, мама научилась и спать в кресле в аэропортах, и с таможенниками договариваться, даже несколько турецких слов выучила. Сначала-то, после стерильного процедурного кабинета в поликлинике, новая работа приводила ее в ужас – пыль, грязь, неподъемные сумки. Наверное, она этой тяжелой работой старалась заглушить свою душевную боль. Мама как-то произнесла:

– Скоро ты уедешь учиться, останусь одна. Снова, как в детдоме...

...С Анжелкой так с Анжелкой... Она разбитная деваха, вот у нее торговля прямо-таки в крови: курит, как паровоз, матерится, как сапожник, но полно постоянных клиентов, веселая и всегда в курсе всех городских событий. Вот и меня в первый же рабочий день огорошила:

– А ты знаешь, что у тебя сестра теперь есть?

– Нет. Какая сестра? – удивилась я.

– Так у Валерки, у папки твоего, с его молодой женой девочка родилась!

Вот это номер... Хотя... С мамой они в разводе, а я всегда мечтала о сестре... С мамой пока об этом разговор заводить не буду. Да она знает, наверное.

Новостью поделилась с Ленкой, она только хмыкнула:

– Ничего удивительного, он же с молодухой на свои Севера уехал!

Ну все всё знают, кроме меня... Городок-то маленький.

Ленка заговорщицки поделилась:

– У меня ведь тоже брат имеется – у папы взрослый сын от первого брака. Только не болтай никому – он неблагополучный. Мама переживает, как бы этот обалдуй чем-то не навредил отцовской карьере.

С началом учебы известие о рождении сестры выветрилось из головы, но ближе к новогодним каникулам я договорилась с дядей Костей, чтобы папа позвонил ему в определенный день и час. Пришла с заготовленной речью, чтоб поделикатнее задать вопрос, но едва успела поздравить с наступающим, как он сам радостно сообщил:

– ...И с другим событием поздравь – у нас с Ларисой родилась дочка!

Сестра... Катька... Два зуба. На меня похожа.

ЛЕНКА

Ну и родители! Обрадовали... Они что придумали – отправить со мной в Москву Мусю! Я-то рассчитывала жить в студенческом общежитии: свобода, новые знакомства, друзья... Но уговорили – всего на год, пока привыкну. В итоге я не пожалела – близкий человек рядом оказался весьма кстати. Квартиру, правда, с телефоном, папа снял в спальном районе, в Медведково, видимо, посмотрел на карту Москвы – до университета близко. На деле, чтобы добраться до учебного заведения, надо дойти пешком до остановки трамвая, втиснуться в него, доехать до метро, проехать несколько остановок, потом от станции метро пешком долго идти через парк... Объем информации в институте неподъемный, но дома, в чисто убранной квартире, меня ждала Муся с горячим ужином. Правда, в первые недели вечером я просто валилась на кровать и засыпала. Мусино раскладное кресло мы по ее настоянию перетаскивали в кухню.

– Ты девушка молодая, вдруг гостей приведешь, я уж мешаться не буду, – приговаривала нянюшка, поднимая петли на моих колготках и пришивая пуговицы на блузках.

Какие там гости... В выходные я тупо отсыпалась. С девчонками в кафе иногда ходила – после того, как пару раз заплатила за всех, придумав, что отмечаю какие-то события в жизни, обзавелась подружками. Парней в группе было мало, да и тьюфяки все, обучение же платное – мамины сыночки. Одногогруппники кадрились со студентами ВГИКа – он напротив нашего университета; мне тоже стала оказывать знаки внимания одна будущая звезда экрана – огромный, белозубый и... чернокожий. Кстати, много лет спустя мелькал он в телевизоре... Не знаю, где

взял номер, но однажды у него с Мусей состоялся интересный разговор по телефону. Мне слышно было только няньку:

– Аллю! Кто спрашивает? Нет, ее нет дома... *Elena est allée au cinéma avec son mari.*

Я своим ушам не поверила – Муся, услышав его прононс, ответила по-французски, что Елена ушла с мужем в кино!

– Не нужен нам француз, деточка! Они жадные! Язык? Да, знаю несколько фраз...

Узнав от меня, что этот Пьер вообще-то из Камеруна, нянька решила, что не нужен тем более – он сын какого-нибудь вождя племени каннибалов, и на меня страху нагнала. Много я про Мусю не знаю... Приглашали неизвестные художники и поэты в кино, погулять на Ленинские горы, на Старый Арбат, целовалась с кем-то. Ни на кого не запала, и все напоминали Тюху... Первым мужчиной у меня будет Сашка Козырь!

Муся в выходные ненавязчиво учила меня готовить, гладить белье. Что и говорить, делать по хозяйству я ничего не умела и многого не знала.

– Учись, учись у старой няньки, деточка, я один годик только с тобой поживу, пока привыкнешь, потом – ты в общежитие, а я домой. Глядишь, Надюшка замуж выйдет, ребеночка родит, там нужнее буду, – приговаривала, тихо улыбаясь, Муся.

А Надюшка завела романчик: на завод прибыл практикант из Санкт-Петербургской лесотехнической академии, родом из-под Архангельска, как Ломоносов, и такой же умный. Сам захотел в нашу глушь, потому что на местном заводе применяются самые передовые технологии. Папа о нем высокого мнения, похоже, там все серьезно. Да, уж Надежда бы в Козырева не влюбилась!

Это из маминых писем новости – каждую неделю приходил конверт с отчетом, не считая звонков через день.

Писала и Танька, звонить-то дорого. Но редко, некогда ей – кроме училища, еще и автошкола, про одноклассников мало что знает... А меня в ее письмах интересовали строчки исключительно про одного одноклассника: пробежала листок глазами, ища только имя Козыря. Его, оказывается, в армию забрали, служит где-то в Средней Азии, Таньке письма пишет. А мне не пишет... Хотя о чем там писать-то из пустыни, про песок?

ТАНЬКА

...Ура!!! Я получила права! Папа мне напомнил про машину, когда с Новым годом его поздравляла:

– В гараже давно была? Как там наша «ласточка»?

– Пап, так я думала, что ты ее забрал, – удивилась я.

– Нет, ну как же, стоит в гараже, ждет тебя. Женька за ней приглядывает, и ключи у него. Я отправлю деньги тебе на обучение в автошколе, записывайся на курсы, как раз в 18 лет права получишь. Это будет мой подарок на совершеннолетие.

Закончила курсы и экзамены сдала с первого раза! Машинка в гараже и правда оказалась на ходу, заправленная бензином, дядя Женя ее еще и помыл.

– Дядь Жень, покатаешься со мной по городу? Что-то мне страшновато, – попросила я.

– Да не вопрос! – папин друг веселый дядька, с шутками и прибаутками. Только спросил разрешения курить в салоне трубку, табак у него с вишневым запахом, дым даже приятный. Пока катались, он мне про своих жен рассказывал, про всех пятерых.

– Ты хоть помнишь их имена? – спросила у него со смехом.

Всех помнит! И имена, и дни рождения, и даты регистрации браков. Это только официальных у него пять. А когда поинтересовалась чем-то о последней жене, с хитрой улыбкой

перебил: мол, не факт, что последняя. Вероятно, он специально так болтал, чтоб я отвлеклась и расслабилась. И правда – здорово помог, я вспомнила все, чему меня папа учил. На следующий день еще заставил трогаться на горке, пришлось попотеть изрядно – никак не могла поймать нужный момент и машина то и дело глохла. Но вот заводить ее с толчка получилось сразу! Свою «ласточку» в Красноярск я забирать не стала – вдруг сломается, что я без дяди Жени делать буду? Да и во дворе ее бросать было боязно...

Матери решила устроить сюрприз – подкатила к порогу дома, но она, увидев машину и меня за рулем, поджала губы. До рынка все же со мной доехать не отказалась – клетчатые сумки с товаром ведь тяжеленные. Так-то ее и тетю Наташу дядя Арсен подвозит, он в соседнем ларьке на рынке обувью торгует. Приятный мужчина. Вдовец. Вечером позвали его к нам на чаепитие, вчетвером мои права и обмыли.

Заниматься в медицинском училище нам со Светкой было интересно – она не меньше моего мечтала стать медсестрой, правда, у нее была своя на то причина:

– Парням нравятся девушки в белых халатиках! И я обязательно выйду замуж за врача.

Светка легкая и проворная и такая хохотушка, что на нее и в черном грязном халатике на субботнике весь мужской пол оборачивался. Наша съемная квартирка, которую строили, похоже, для лилипутов, благодаря ей обрела вполне сносный вид: одноклассница притащила со свалки какие-то ящики, покрасила – получился шкаф, в училище в подсобке откопала кусок кумача для транспарантов, пришила оборку в горошек – вот тебе и шторы на кухню, стены вместе перекрасили. Картинки, цветочки... Хозяйка квартиры, увидев изменения, даже приехала. На табуретку, найденную Светкой на помойке и отреставрированную...

...На летних каникулах мама устроила меня в нашу, дивноярскую, поликлинику санитаркой.

– Хватит тебе к торговле приобщаться, привыкай к медицине!

Пришлось привыкать. Со шваброй в руках. И гардеробщицу подменять, и истории болезни по кабинетам разносить, и лабораторную посуду мыть. Маму на ее бывшей работе помнят, приветы передают, говорят, отучивайся скорее и приходи работать, рук не хватает. Мне и самой не терпится.

Сашка Козырев шлет мне письма из Казахстана. Он никуда и не поступал после окончания школы, летом месяц на лесосплаве проработал, деньги были нужны – Витька, младший брат, во что-то вляпался, пришлось выручать. Но и на этих плотях военкомат разыскал призывника, чтоб забрать в армию. Служит. Какой-то суперсекретный объект в пустыне охраняет, нельзя про него рассказывать. Скучно ему там: в небе – хищные птицы, под ногами – скорпионы, на горизонте – горизонт...

Недавно пришел в отпуск и сразу, с дороги, заявился встречать меня с работы. Даже не предупредил, что приедет, выхожу из поликлиники – а он поджидает. Худой, загоревший до черноты, только зубы белеют в улыбке, в пропыленном в дороге солдатском обмундировании. И такой контраст с ним – букет цветов, ромашки и колокольчики, где-то по пути для меня собрал. Говорит, мои письма очень скрашивают его армейскую жизнь среди песка и верблюдов.

Ленка, оказалось, ему тоже пишет, только он не отвечает, считая, что я его из армии жду. Пришлось с этим согласиться – я слышала, что парням легче служит, если дома кто-то ждет...

...А Ленка на каникулы домой вернулась, вся такая модная, слова произносить научилась растяжно, по-московски, каких-то непонятных выражений нахваталась. Позвала нас со Светкой в кафе, рассказывала про художественные выставки с фуршетами, куда ее водили художники, про закрытые показы фильмов, квартирники, несколько раз произнесла слово «биеннале», что это хоть такое – надо будет в словаре посмотреть... «Столичная штучка» – обозвала ее Светка, но та не обиделась.

Подружка нам и объявила, что хочет уже в эту субботу собрать одноклассников на встречу – год прошел после выпуска. Только ведь многие разъехались кто куда, хоть и лето, но у всех свои дела, сомневаюсь, что явятся... Хотя если уж Ленка что-то задумала, то сделает обязательно – и таки собрала почти весь класс!

А Козырев не пришел...

ЛЕНКА

...А ведь обещал! Я его встретила на улице – никуда он не поступал, призвали на срочную службу, сейчас в отпуске. Возмужал, окреп и мне будто бы обрадовался: обнял прямо при всех. Сердце так и провалилось. Тут-то я на ходу про встречу одноклассников и сочинила:

– Сашка, все собираются на годовщину выпуска, меня вот пригласили! Ты придешь?

– Когда сбор? – погладил Сашка свой стриженный ежик. – Я на днях обратно в армию...

– Да в эту субботу! – ляпнула я.

Пришлось срочно самой всех оповещать и продукты к столу закупать. Хорошо, что Серега Кузнецов и Артем Новиков помощь предложили, они же и настояли отметить дату на природе, у них, как выяснилось, и место подходящее есть.

Артем с Серегой – не разлей вода, и родители их дружат, отцы адвокаты, вот и Артем в Новосибе на юриста учится. Дом его родителей в пригороде, сад спускается к лугу, дальше – пляжик. На лугу, среди ромашек и колокольчиков, мы и расположились. Девочки крошили салаты, мальчики жарили шашлык, Светка Хохотунчик рассказывала, как в училище их группу в морг водили:

– Только преподаватель начал рассказывать про вскрытие, и тут сзади раздается грохот – единственный в группе парень, под два метра ростом, сознание потерял! Какой визг мы подняли – наверное, мертвяки в холодильнике очнулись! Ну, приемы оказания первой помощи мы уже знали – привели его в чувство. Он в тот же день документы забрал.

– Умеешь ты, Светка, аппетит испортить! Вообще-то правильно, а то сейчас все всё быстренько сожрут и выпьют, – расхохотался Артем, наливая мне вина.

Тюха, сидящий напротив, глаз с меня не сводил. Вино лилось рекой. А что, нам уже всем по 18. И шашлыки вкусные, и вечер замечательный. Но без Козырева не то. Про него вспоминали, и я всем сообщила, что должен прийти...

– Не придет он, – наклонившись, тихо сказал мне Артем.

– Кто? – прикинулась я.

– Ты думаешь, что я слепой, не вижу, как ты оглядываешься?

Кто-то предложил купаться. Наше водохранилище на Енисее в этом месте образовало залив, вода в нем спокойная и теплая, июль – прогрелась, правда, лягушек полно. Но если не повезет – так уж не повезет: Лишь войдя по пояс в воду, я уже поранила ступню острым камнем. Держась за Артема, оказавшегося рядом, высунула ногу из воды – из пореза сочилась кровь.

– Ой, сейчас акулы приплывут! – заверещала Светка.

– Нет у нас акул, одни пиявки! – успокоил Серега.

На берег меня вынес Артем, как-то уж очень крепко прижимая к себе и тяжело дыша при этом. Подбежала Танька, она не купалась – так хорошо, если рядом есть сестры милосердия! Вторая «сестра», Светка, давала советы из воды. Ну да что там, царапина, – перевязали Артемовым платком...

Стал накрапывать дождик. Мы, собрав остатки застолья, перебрались в беседку в саду. Допивали вино, моя обида на Козыря постепенно ушла. Танька уехала, ей с утра на работу. Артем, заталкивая пьяненького Тюху в такси, обнял меня и прошептал:

– Останешься?

А что... Останусь...

ТАНЬКА

Ленка вечером пришла к поликлинике – мы договорились после моей работы встретиться, погулять в парке, посидеть у фонтана, поболтать. Только она что-то вялая была, как будто не выпалась. В леопардовых лосинах.

– Ой, мама такими же торгует, – вырвалось у меня.

Ленка недовольно фыркнула:

– Мои-то итальянские.

– Лен, вы долго там сидели? Извини, что тебя оставила, но я встаю рано...

Я вчера видела, что Ленка перебрала.

– Да, посидели еще, позже Козырев подъехал... – Ленка отвела глаза.

Врет ведь – Сашка еще вчера уехал, заходил попрощаться. На завтра и подружка улетела с родителями отдыхать на море и даже не позвонила перед отъездом. Прошла неделя, другая, Ленка не звонила и до конца лета так и не объявилась, я не могла понять, в чем дело, что случилось... Позвонила ей сама, но трубку сняла мама и ответила, что Лена осталась у бабушки. Странно... А как же учеба? Позже еще звонила, но опять ответила мама:

– Танюш, извини, Лена не может подойти, она плохо себя чувствует...

А уже начало сентября... Новый их адрес у Ленки спросить не догадалась, а они недавно переехали в коттедж, только номер телефона есть, да и не приглашают навестить... В душе образовалась какая-то пустота. Долго перебирала в уме – может быть, я ее чем обидела... Вроде ничем.

Из Красноярска, когда начались занятия, написала письмо на старый московский адрес – вернулось, понятно, она же собиралась с этого года жить в общежитии. Моя мама сделала вывод – у подруги что-то произошло, не хочет общаться – значит, не надо к ней приставать...

Целый год я прожила в недоумении – Ленка не звонила и не писала, словно вычеркнула меня из жизни. Как же так можно? При всей вспыльчивости и взбалмошности подруга была мне все равно что сестра, близкий человек, часть моей жизни. И эту часть будто оторвали, она сама, своими руками и оторвала.

Папа собирался приехать в Дивноярск, познакомить меня с настоящей сестренкой, но они с Лариской получили квартиру, нужно было делать ремонт, обставлять, переезжать, да и средств не хватило бы. Попросила его больше не присылать деньги: я совершеннолетняя, подрабатываю, ему самому нужнее. Мы со Светкой и в Красноярске устроились на работу: в детский стационар ночными сиделками, каждая на полставки, правда, больше спали там, чем трудились.

У Светки после встречи одноклассников закрутился роман с Серегой Кузнецовым, он тоже учился в Красноярске. А со мной, наверное, что-то не так – не умею я завязывать знакомства, как другие девчонки. Да и где? В училище парней почти нет, на работе вообще чисто женский коллектив, а в свободное время я люблю читать – уходить с головой в чужую жизнь... Козырев писал письма, но я к этому не относилась серьезно – он ведь просто одноклассник.

И тут неожиданно объявилась Ленка. Пригласила на свадьбу – Надежда выходит замуж за своего Ломоносова. Он не Ломоносов вообще-то, это Ленка его так называет, она вообще любит давать прозвища. Странная подружка позвонила, как ни в чем не бывало... Чувства мои к ней за год претерпели несколько фаз: недоумение сменилось обидой, потом я по ней отчаянно скучала, но стоило услышать голос в трубке – обрадовалась.

Наверное, неправильно, что я проглотила тогда обиду. Позже читала, что надо все сразу выговаривать близким людям – и что ты их любишь, и что о них думаешь, рассказывать про

свои обиды и расставлять все точки над «и». Не надо копить чувства, держать их в душе, иначе все недоразумения однажды извергнутся страшной лавой, или мы сделаем не те выводы...

ЛЕНКА

Это все Танька виновата. Почему я осталась с Артемом? Никогда о нем не мечтала... Назло Таньке, назло Козыреву, назло себе. Артем в той беседке сильно тогда удивился, напугался даже:

– Ты что, девочка?

– Нет, мальчик! – обозлилась я.

– Да по тебе вообще не похоже было! Предупреждать надо! – он тоже повысил голос.

– А что, ничего б не случилось?

– Ну я б это... поосторожней был, – растерялся мой герой-любовник.

На следующий день позвонил, позвал погулять в парке, мороженого поесть. Ну погуляли, разговор не клеился.

– Ленка, ты чего со мной осталась-то? – не выдержал наконец Новиков, запивая мороженое минералкой прямо из бутылки.

– Ну как зачем? Влюбилась, – хмыкнула я.

– Да не ври. Чего ж орала: «Саша! Саша!»

– Когда? – не поняла я.

– Ну... это... Когда стонала.

Черт... Во рту сухо и противно, и на душе противно. Перебрала вчера этого вина... Честно говоря, все было, как в тумане. И не понравилось мне то кувыркание в беседке...

– Ладно, Тема, спасибо за мороженое. Я завтра с родителями на море улетаю.

– Вот как... – расстроено произнес Артем. – Я-то думал, что мы продолжим...

Вечером встретились с Танькой, настроение было поганое. Хотелось ей рассказать про себя, но почему-то не рассказала... На юг с родителями я вообще-то не собиралась, хотела лететь после их поездки, ведь вместе с ними – это не отдых. Пришлось папе по своим каналам срочно доставать для меня билет.

Чертов Козырев – на письма не отвечал, на встречу не пришел, хотя обещал, я ее и устроила ради него. Он специально раньше уехал в свою армию, чувствовал, что между нами что-то произойдет. А оно должно было произойти! И совсем не так, как с Артемом. Трус! Голову в песок!

Лето. Море. Лучшее лекарство от всех неприятностей. Родители через две недели улети домой, а я решила остаться у бабушки с дедушкой до конца лета и отдыхать на всю катушку. Но не получилось... Сначала подумала, что чем-то отравилась. Чуть позже поняла... Черт бы побрал этого Артема. Пришлось срочно возвращаться, в самолете весь полет просидела в туалете – тошнило невероятно.

Мама отнеслась к случившемуся на удивление хладнокровно: позвонила «своему» гинекологу, все устроила по-тихому, даже папа ничего не узнал. И никто ничего не узнал. От кого залетела? Ни от кого. Курортный роман.

В университет я немного опоздала – занятия уже начались. Устроилась в общежитии. Да-а-а... Жить в таких экстремальных условиях, конечно, я не мечтала... Учебная нагрузка увеличилась, столько книг прочитать – жизни не хватит! Правда, компания у нас образовалась веселая, мы с девочками подружились с парнями – третьекурсниками с факультета управления. Вино, гитара до полуночи, сложились пары, уступали друг другу комнаты... Я теперь в постели

Сашкой никого уже не называла, да и вообще была ученая – чтобы за последствия больше не переживать.

Но сессия свалилась, как снег на голову. Я и на первом курсе с трудом сдавала зачеты, а тут обзавелась длиннющими хвостами, от которых пыталась избавиться на зимних каникулах. Не получилось. И до самой летней сессии не получилось. Да пошел он к черту, этот институт! Забрала документы и уехала домой – с корабля на бал, на свадьбу сестры.

ТАНЬКА

Свадьба у Надежды была грандиозной. На природе – на заливе, где была наша встреча одноклассников, – поставили шатры, украсили их цветами и шарами. Оркестр, официанты... Молодожены нарядные и красивые. Такое действо в нашем городке состоялось впервые и было в диковинку.

Стараясь перекрычать музыку, я наклонилась к Ленке:

– Мне кажется или Надежда с Альбертом в самом деле похожи друг на друга?

– Не кажется. Они и разговаривают одинаковыми словами. Причем один начинает, второй заканчивает. Прямо как наши попугайчики, – хохотнула Ленка.

– Они, что, еще живы? – удивилась я.

– Да, представляешь, какие живучие! Правда, облезлые!

Всем бы парам быть такими попугайчиками – молодые были очень красивые и выглядели действительно счастливыми.

– После свадьбы поедут в свадебное путешествие, в Ниццу, – со вздохом поделилась Ленка.

– А ты чем планируешь заняться? – поинтересовалась я.

– Да я бы отдохнула, на море съездила, – загранпаспорт оформила, а еще ни разу за границей не была. Но папа на меня зол за то, что институт бросила, приказал лето поработать у него секретаршей, дальше видно будет. Дался мне этот завод... У тебя есть загранпаспорт?

– Нет. Да мне и некогда отдыхать, – безо всякого сожаления ответила я.

Я ведь учусь и работаю. Работа в детском отделении нравится и детишек люблю, особенно жалко отказников – детей, которых мамы в роддоме бросили. Но скучаю по дивноярской поликлинике: по ее суете, редким чаепитиям с шутками-прибаутками; в медицине даже юмор свой, особенный. Да и знаю там всех... Когда приезжаю домой на выходные, захожу проведать...

– После свадебного путешествия молодожены заедут в наши пустующие апартаменты на десятом этаже. Тань, приходи в гости, покажу тебе новый дом, там целая усадьба. Я, правда, хотела бы поселиться в бабушкиной однушке, она теперь пустует, бабка-то с нами. Как бы родителей на это уговорить, не хочу вместе с ними жить, у меня ведь должно быть личное пространство, – пожаловалась Ленка.

Ну и проблемы у подружки... Однако я с готовностью поддержала:

– Конечно!

А сама подумала:

– Интересно, Мусю она с собой заберет, чтоб по хозяйству помогала?

Я и впрямь наведалься в гости. Ее родители построили шикарный коттедж прямо в лесу: два этажа, в цоколе сауна, спортзал, бильярд. На первом этаже огромная столовая, открытая терраса, Ленкина комната на втором, окна выходят в лес.

– Зачем же вашей семье столько места? – удивилась я.

– У папы теперь часто друзья бывают – сауна, шашлыки, тренажерка...

– Сколько же у вас уборки! – посочувствовала я.

– Ну что ты! – рассмеялась Ленка. – У нас и горничная есть, и садовник. Видишь, участок какой большой?

Да, большой и ухоженный: клумбы с цветами, молодой сад, птички поют. Моя мама о даче мечтает, но нет времени ею заниматься. Но почему-то мне совсем не хотелось бы жить в этом помпезном доме, наша квартирка гораздо уютнее, особенно сейчас – мы недавно ремонт сделали.

Ленка про Козырева расспрашивала. Он, вернувшись из армии, сразу разыскал меня в Красноярске. Почему-то не смогла ей признаться, что мы встречаемся. Ну как – ходим в кино, в кафе, пару раз поднимался чаю попить. Я с ним не сплю, он и не настаивает. Понимаю, что Ленка и на свадьбу, и в гости позвала, чтобы про него побольше разузнать. Отдаляется она, а у меня и подруг больше нет, Новоселова все десять классов их отваживала...

ЛЕНКА

...Танька вроде умная, но дальше своего носа не видит – не понимает, что я с ней общаюсь в основном из-за Козыря: узнать новости о нем, быть к нему ближе, что ли. Нужна она мне, курица приземленная. Детство закончилось и детская дружба тоже – фантики, «секретики», теперь каждый за себя. Сашка, значит, в Красноярске... Занимается скупкой поддержанной радиотелеаппаратуры, какой-то его друг в своей мастерской это добро ремонтирует, потом продают подороже. Бизнес. Ну так он Таньке рассказывает. Живет у друзей. Надо и мне куда-то в Красноярске поступить учиться, чтоб была возможность видеться с ним.

Тихонова недавно встретила, он также по радиотехнике – поступил в политех, факультет инженерной физики и радиоэлектроники, ну или типа того. Опять в любви признавался, обещал назвать моим именем свое новое изобретение, ПТЧ «Елена-3» – прибор для телепортации человека. Черт его знает, что это такое, но почему после имени тройка? Потому что два уже расплавились от перегрузки, а я должна принести удачу. Инопланетянин хренов.

Козыреву иногда звоню, вернее, его маме, спрашиваю, как у него дела, приветы передаю. Пару раз и на него самого в городе наталкивалась – поболтали, даже погулять в парк затащила. Пили пиво, ели вареную кукурузу, сидя на лавочке, школу вспоминали. На прощанье поцеловались, я обняла его руками за шею, прижалась... Он-то думал, что это дружеский поцелуй, да не тут-то было! Я ж в этом деле толк знаю. Чувствовала я, чувствовала ответную реакцию! Но так и не позвонил...

Впоследствии не раз задумывалась: а зачем я его добивалась? Был ли он мне нужен в качестве мужа, надежного партнера? Однозначно нет. И сходила бы с ума от любви к однокласснику, если бы ему не нравилась Танька? Не знаю... Могла бы за время, убитое на эту любовь, найти себе достойного человека? Однозначно!

Планы на переезд в бабушкину квартиру у меня не осуществились – в однушке будет жить Надежда со своим Ломоносовым. А я уже ключи от нее заказала. Они выбросили старую мебель, сделали ремонт, а от большой квартиры отказались наотрез: нам не нужно, мы много работаем, детей пока не планируем. Будут заниматься карьерой: оба закончили учебу с красными дипломами, Надежда вышла к папе на завод экономистом, он так никого и не взял на место Кротова, для Надюхи место берет; Альберт – инженером. Кому из своих дочерей родители пойдут навстречу в жилищном вопросе – и гадать не надо было. Как же у сестры все гладко складывается – что захочет, то и получает – работа, жилье... И Альбертик ее такой интересный, накачанный – рассмотрела как-то, он у нас в коттедже на тренажерах занимается...

А я секретарша. Сажу в приемной, принимаю звонки, перекладываю бумажки и потихоньку тупею. Надо с этим что-то делать... Думаю, папа меня в свою приемную не просто так,

а с далеким прицелом пристроил: к нему на встречи приходят важные и нужные люди, вероятно, рассчитывает, что познакомлюсь с кем-то для серьезных отношений. Да, заглядываются, престарелые женатики...

В своем честно заработанном первом отпуске побывала за границей, и не в какой-то там Турции, а в странах Европы: Австрия, Чехия, Германия. С мамой, конечно, больше не с кем, подруг у меня нет. Вот бы где жить...

Наш Николай Степанович Новоселов баллотируется в мэры города, он выдвинут кандидатом от партии «Рабочие люди»: развернута предвыборная кампания: с плакатов вдоль проспекта Мира строго смотрит папа, выступает по телевидению, в организациях, на улице раздают буклеты. Надежда у него помощник и пиарщик: и предвыборную программу помогала сочинять, и тексты выступлений, и статьи в газеты. Предварительное голосование показало отличный процент в пользу отца. Я им горжусь, а мама заказывает новые наряды – быть ей первой леди!

ТАНЬКА

...С институтом я решила повременить: устала от учебы: экзамены в медучилище, госэкзамены; от одной латыни свихнуться можно. К тому же мама болела – ее прооперировали. Через месяц выйду на работу, нас со Светкой распределили в то же самое детское отделение краевой больницы. Еще годик поработаю, денег подкоплю, конечно, родители помогут, но проживание в Новосибирске будет обходиться недешево. Приличную сумму никак не получается отложить, хотя и беру дополнительные дежурства, а в выходные Анжелке на рынке помогаю. Она девушка щедрая – не скупится ни на оплату, ни на городские сплетни. Весь наш город оклеен плакатами с портретом Ленкиного отца.

– Наш новый мэр! – убеждена Анжелка.

– Так ведь еще не было голосования, – не соглашаюсь я.

– Наивная... – затягивается та сигареткой, – все у Новоселова в городе куплено...

Ленка на заводе у отца в приемной работает секретарем, есть куда ей теперь свои наряды выгуливать – недавно из Европы прилетела, вся в обновках. Предлагает в кафе «Мороженое» посидеть: она, я и Козырев. Как же ей сказать, что мы с ним встречаемся... Сашка в Дивноярск приезжал на выходных и в этом самом кафе, вытащив из кармана коробочку с кольцом, признался в любви, встал на колени и сделал предложение. Я просто оторопела, подарок не брала, отмахивалась, мол, пока замуж не собираюсь. Но он силой надел украшение на мой палец и убедительно произнес:

– Танюшка, буду ждать, сколько скажешь!

Первый раз назвал уменьшительным именем, а он вообще-то несентиментальный. И что-то во мне дрогнуло. Кольцо пришлось впору, красивое, – зеленый камушек в центре, а вокруг – прозрачные. Спрятала его в шкатулку и маме не показала. Сашка ей не нравится.

ЛЕНКА

Папа таки стал мэром нашего города – да кто бы в этом сомневался... Руководство заводом перешло к надежному человеку, свои акции папа передал Надежде, Альберт теперь – один из заместителей генерального директора, Надежда – финансовый директор. Мама – первая леди, везде сопровождает папу. А я – всего лишь секретарша – белая ворона в семье.

Оставили меня секретарем и у нового директора. Учиться очно не отпустили, папа решил, что я должна оставаться под надзором – узнал, наверное, про мой аборт. Поступила

на заочное, на бухгалтера, ну ладно, буду хоть на сессии в Красноярск ездить. С боем отстояла свое право на личное пространство – семейный совет разрешил жить в большой квартире, в моей комнатке с видом на Танькин дом, она еще вся заставлена детскими игрушками. Сыграло роль то, что дверь Надеждиной квартиры прямо напротив моей – присмотр гарантирован. Муся порывалась переехать тоже – кто ж будет кормить бедную девочку? Но тут как раз кстати папе на день рождения подарили двух таксят, щенков таксы, то есть, и они почему-то сразу назначили своей мамой Мусю.

Скоро сессия. Поеду в Красноярск, хочу остановиться у Таньки. Ее об этом предупредила, но она, запинаясь, начала рассказывать, что у нее спать негде:

– Лен, квартирка крохотная, узкая койка да нераскладной диванчик.

– Тань, ты думаешь, я совсем избалована барскими покоями? В Москве в общежитии жила, не привыкать! Опять же – ты говорила, у вас со Светкой ночные дежурства по очереди...

– Да, но не каждую ночь...

– Ничего, как-нибудь разберемся. Да я и на половую жизнь согласная, – хохотнула я.

Кажется, избегает меня Танька в последнее время. А может, и не кажется...

ТАНЬКА

Осенью, наведавшись на выходных в Дивноярск, застала маму за сборами, она вдруг решила навестить свою тетку Варвару.

– Что-то мне ее письма не нравятся, загрустила она... – и сама грустно делилась догадками, запихивая в сумку гостинцы и обновки.

– Мам, да куда ей там носить-то турецкие тряпки? К козам? – со смехом поинтересовалась я.

– Пусть куда хочет носит, не ехать же с пустыми руками!

...Варвара маме больше, чем тетка. Она свою племянницу из детдома забрала и вырастила. Жила с мужем в Красноярске, в его квартире. Он пил. Детей не было. Пожилые родители почти одновременно тяжело заболели, Варвара их к себе привезла, ухаживала, невзирая на пьянки и скандалы супруга. В это же время утонула на рыбалке ее младшая сестра вместе со своим мужем. Пятилетняя дочка, моя мама, осталась сиротой, ее определили в детский дом, родителей она почти и не помнит.

У Варвары сразу, правда, не было возможности забрать ребенка, сделала это, когда один за другим ушли родители, племянница уже в школе училась. Вырастила ее, выучила, замуж выдала, а потом вернулась в старый родительский дом на берегу озера – в тайгу, в глушь. Красноярская квартира досталась детям мужа от его первого брака...

От тетки мама вернулась расстроенная – болеет Варвара, на сердце жалуется. Везла ее на «уазике» с соседом Васькой в райцентр, к врачу.

– Терапевт, приятная такая женщина, назначила таблетки, Варвару знает, козу у нее покупала. Но наедине сказала мне, что, скорее всего, не обойтись без операции, – рассказывала мама, вытаскивая из сумок таежные подарки от Варвары для нас со Светкой: бруснику, кедровые орешки, сушеные травы. И соленого хариуса – Васька передал, на рыбалку ездил на Бирюсу. – Хотела у нее задержаться, но она меня силой выпроводила.

– Мам, поезжай домой, надо будет – я к Варваре сама съезжу, успокоила я маму.

Врач Валентина Ивановна дала свой номер телефона, через месяц мы ей позвонили – не помогают таблетки, нужна операция. И я поехала за Варварой, взяв отгулы на работе, договорила, что Светка в мои смены выйдет. Сашка порывался меня в такую даль отвезти и с Варварой вернуться, он недавно приобрел машину и был готов просто жить в ней. Но я решила, что лучше поехать на поезде.

На станции встретил Васька, он здорово изменился – сразу и не узнала. Конопушки пропали, уши почему-то перестали торчать, да и вообще – вымахал! Всю дорогу тараторили с ним – детство вспоминали. Он отслужил в армии, устроился в милицию – куда еще, работы в районе особо нет.

Заехали к врачу, чтобы взять направление в краевую клинику. В районной поликлинике Варвару, похоже, все знают, начиная от регистратуры, и в кабинет меня провели без очереди.

– Обратитесь к Грязнову Ивану Ивановичу – отличный кардиохирург, мой однокурсник, – напутствовала Валентина Ивановна, – я ему уже позвонила.

– Ой, так это ж мой преподаватель, – обрадовалась я. – Он у нас в училище лекции читал!

Варвара меня не ждала, но обрадовалась; правда, радость ее улетучилась вместе с моим сообщением о госпитализации и операции.

– Чего удумали! Резать меня на старости лет! Сколько проживу, столько и проживу!

Если б не Васька, не смогла бы ее увезти, он и проводил нас, и обещал за козами приглядеть. Варвара всю дорогу его расхваливала:

– Что бы я без этой семьи делала: и колодец с отцом почистили, и дровами снабжают, и сеном для моих Зинок. Я только козьим молоком их и могу отблагодарить.

Сашка принял живейшее участие в Варваре: и встретил на вокзале, и помог устроить ее в стационар, и навещал вместе со мной, и лекарства добывал. Поставил Иван Иванович нашей больной два стента, она после больницы еще неделю со мной пожила, Светка к Сереге умотала, предоставив в наше распоряжение диванчик. Мама приезжала за ней ухаживать. Я на работу – мой одноклассник их и на осмотр к врачу отвезет, и продукты купит, и вообще любую помощь предложит. Я просто-таки диву давалась и даже мама к нему потеплела.

Обратно я свою двоюродную бабушку на поезде до станции проводила и через два часа на встречном вернулась обратно, сдав ее в надежные Васькины руки. И сама свалилась. То ли вирус в дороге подцепила, то ли сказалось напряжение последних дней. Высокая температура держалась целую неделю, я то проваливалась в какие-то кошмары, то выплывала оттуда с жуткой головной болью, не понимая, где я.

И как же я была благодарна Сашке за помощь: он варил морсики из привезенной мамой брусники, обтирал меня влажной тряпочкой, заставлял пить таблетки и микстуры, менял постельное белье – от скачков температуры я буквально плавала в своем поту. И оставался на ночь, прикорнув на Светкином диванчике. Пока болела, починил, все, что было в квартире сломано или сломали мы со Светкой: незакрывающуюся форточку, протекающий унитаз, разваливающийся шкафчик в кухне.

И не рассказывайте, женщины, какие вы сильные и все можете сделать и решить сами. Не зря говорится: «Да прилепится жена к мужу своему...» Когда что-то делают для тебя или ЗА тебя – это бесценно. И какое правильное слово «прилепится» – если даже близкий человек в конечном счете тебе ничем и не поможет, все-таки надежда на него, вера в то, что ты не одна, придает уверенности и сил.

Короче говоря, Козырев так и остался со мной...

ЛЕНКА

С женихами все непросто – многие заводчане засматриваются на мои красивые ноги, мама была права – типаж вешалки вошел в моду, – но масляные улыбки расползаются у тех, кто

еще не знает, что я дочь Новоселова, а узнав, кандидаты тихо линяют. Мама успокаивает – ну и хорошо, отсеиваются те, у кого нет серьезных намерений. Да, сеялка работает безотказно...

Для несерьезных-то отношений у меня есть женатый врач-стоматолог из поликлиники – Резо Габриэлович, трое детей. Мы проявляем чудеса конспирации, чтобы встречаться у меня дома: у Надежды – дверь напротив и слух, как у собаки. Пару раз чуть было не засекла.

Резик клянется в вечной любви, дарит подарки, совершенно ненужные... А на полке в моей комнате, между игрушек, которые лень выбросить, пристроилась самодельная открытка с корявой надписью: «Леночка, с 8 Марта!» Леночка... От Козырева. В первом классе учительница заставила мальчиков клеить на картонки цветочки и имена девочек раздавала...

Танька так и не находит времени посидеть в кафе вдвоем: она, я и Козырь. Или не хочет... Зато моя Анна Петровна недавно устроила званый обед в ресторане: придумала какой-то повод, позвала меня, Надежду и свою приятельницу, как позже выяснилось, – с сыном... С целью нас познакомить. Прилизанный, в очочках, прям как у Тюхи в 1-м классе. Молодой ветврач. То-то мне сразу показалось, что котами запахло. А когда представился – Феликс, смех еле сдержала:

– Кто вам дал такое красивое имя?

– Мама, – ответил этот Кот Феликс, поправляя очки и оглядываясь на свою маму.

А моя обиделась – я ее подначила, что сваха из нее так себе получилась....

ТАНЬКА

...Приезжали в гости Светка с Серегой Кузнецовым – забрать Светкины вещи, они теперь вместе будут жить и снимать квартиру и вообще решили расписаться. Свадьбу, говорят, летом организуем, на природе, как встречу одноклассников прошлый раз, – на лугу за Артемовым садом, опять всех наших соберем. Мы чуть ли не до утра на кухне за столом просидели, Сашка за пивом сбегал, обнаружили в морозилке соленую Васькину рыбу... Школу вспоминали, Светка так хохотала, что соседи по батарее стучали. Легкий Светка человек – с ней и пошутить можно, мол, а как же мечты о муже-враче...

А Сашка ко мне переехал. Ну что называть переездом – остальные вещи перетащил и оплату квартиры взял на себя. Принес видеомэгнитофон, пыльный весь почему-то, говорит, в гараже долго стоял.

– Танюш, давай тоже заявление в загс подадим, что мы, хуже Сереги со Светкой? – предложил на следующий же день.

Да, наверное, пора, ведь живем вместе, как бы уже семья – все само собой вышло, я и опомниться не успела...

– Давай. Только сначала родителей надо поставить в известность, – ответила нерешительно.

То, что моя мама не обрадуется такому известию – сомневаться не приходится, поэтому просить родительского благословения ехала как на иголках. Сашка моих смятенных чувств, казалось, не замечал, радуясь плавному ходу недавно купленной машине; так странно – правый руль, сидишь будто на водительском сиденье, а на самом деле ты пассажир. Я попросила, чтобы он не ставил машину прямо под нашими окнами – вдруг Ленка увидит.

– И долго еще ты собираешься от нее прятаться и скрывать наши отношения? – прямо-таки раздраженно спросил Козырев. – Боишься ты ее, что ли?

– Наверное, обидеть боюсь... Ты хоть знаешь, что Новоселова в тебя влюблена? – почему-то впервые задала я ему этот вопрос.

- Конечно, – хмыкнул он.
- И?
- Приставучая она. Не люблю, когда на чем-то настаивают, я сам принимаю решения.
- А как же ты с такой установкой в армии служил? – не унималась я.
- Это другое дело. Там приказы.

Мама встретила новость прохладно. Прохладно – это еще мягко сказано: и про яблочко, которое недалеко от яблоньки падает, и что от худого семени не надо ждать доброго племени, вспомнила. Дело в том, что у моего избранника семья неблагополучная – один из родителей несколько лет провел в заключении, и это не отец. Мать.

Мой-то отец обрадовался, обещал на свадьбу приехать. Им с Ларисой в новой квартире телефон недавно поставили, можно в любое время звонить. Да и мама стала трубку брать, даже разговаривать с папкой немного. Это с тех пор, как болела... За нее не одна я тогда переживала, дядя Арсен тоже в больнице рядом сутками находился.

Сашка тут же потащил меня подавать заявление в загс, а мне почему-то не хотелось торопить события. Люблю ли я своего жениха? Нравится, да, всегда нравился. Но что такое – «люблю»? Отдам ли за него свою жизнь? Не знаю... Вот за маму и отца отдам...

– Саш, давай мы, как Серега со Светкой, просто распишемся, а свадьбу так же сделаем – летом, вместе с ними, – пришла мне в голову идея.

– А что – это мысль, – поддержал будущий супруг.

Да где там... Эмоциональнее всех возмущалась тетя Наташа – мол, брак не брак без торжества. И вообще у нее новое красивое платье еще ни разу не надето.

Оставалось пригласить на свадьбу Ленку...

ЛЕНКА

Сдается мне – что-то она недоговаривает, эта подружка... И предчувствие не подвело. На выходных она позвонила и предложила сходить в кафе. И Светку, как выяснилось, тоже позвала – они уже болтали, сидя за столом, когда я пришла. Все-таки простушка эта Танька – курточка, джинсики. Мне-то к зиме мама из Милана привезла полупальто из нубука с норочкой и высокие ботиночки на шнуровке – кафешные продавщицы чуть из-за прилавка не выпали, разглядывая мой прикид.

– Лен, не хотела по телефону, – Танька двинула по столу красивый конвертик, – вот, приглашаем тебя.

В конвертике открытка. Приглашение на свадьбу...

– К кому? – машинально спросила я, а сердце упало.

– Мы с Сашей Козыревым решили пожениться...

Вот те раз... Я смогла, я смогла беззаботно выдать:

– Поздравляю!

– Это еще не все, – заулыбалась Танька.

Что ж еще-то, Боже мой...

– Хочу, чтоб ты была свидетельницей на нашей свадьбе, подружкой невесты.

Подружкой... Этого только не хватало...

– Ой, да у меня ж сессия... – хотела я отпереться.

– Ленка, ничего не знаю! Кого ж мне звать? Светку? Да она захохочет в самый неподходящий момент!

– Ха-ха-ха! – с готовностью подтвердила Хохотунчик.

– Хорошо, – как бы со стороны услышала я свое согласие.

Ладно, что-нибудь позже придумаю и откажусь. Черт, черт, черт! За моей спиной! Ну а чего я ждала? Что Козырев сам ко мне прибежит? Чертова тихоня Танька! А я к ней ночевать напрашивалась...

– Тань, так давай обмоем событие! – не дожидаясь ответа, я пошла покупать вино.

– Вам уже исполнился 21 год? – спросила меня эта клуша за прилавком.

– Конечно! – не моргнув глазом соврала я.

Танька со Светкой выпили всего по паре глотков, хотя вино было вкусное, я и не заметила, как выпила всю бутылку. Потом взяла еще одну... Вскоре нарисовался Сашка – Таньку забрать. Изображая пьяную, хотя особо стараться и не было необходимости, я пошла неровной походкой навстречу:

– Сашка! Поздравляю! – повисла на нем. – Ох, оторвусь на вашей свадьбе! Отвези меня домой!

– Да мы сейчас вместе и уедем! – ответила Танька.

– Да пусть отвезет, – вмешалась Светка, она за столом все пыталась у меня бокал отобрать, ей явно не улыбалось ехать со мной пьяной в машине. – Меня позже подбросите.

В машине я сделала вид, что задремала, а выходя – что валюсь с ног. Пришлось Козырю помогать мне добраться до квартиры, а конкретно – до самой постели. Стащил с меня пальто и ботиночки, и тут я попросила воды.

– Поставь стакан на стол, – прошептала я. – Иди сюда!

Приподнявшись, резко обняла его за шею и повисла всем весом; Сашка, не ожидавший такого поворота событий, опрокинул стакан с водой и рухнул на меня. Я припала к нему поцелуем, забравшись руками под горловину свитера и глядя по плечам и груди.

Нет, ровно ничего не произошло. Он отлепил меня, замотал в одеяло и ушел... Ну почему мне так не везет! Я разделась, подошла голая к зеркалу: ну хороша ведь, зараза! Тоненькая талия, длинные ноги, округлости там, где надо, а волосы! Темная волна ниже плеч – моя гордость. Сделала себе ванну с пеной. Еще бы бокал martini... Но в баре нашелся только папин коньяк.

Я, кажется, уснула – вода остыла. В коридоре послышались шаги и зазвенели ключи. Альбертик! Он провожал Надежду на поезд, у той очередная командировка.

– Альберт! Зайди на пару минут! – я выглянула в коридор, поспешно подпоясав банный халат на голое тело.

– Что случилось? – вздрогнул Ломоносов.

– Обязательно должно что-то случиться, чтоб посидеть с родственницей за рюмочкой коньячка?

– Коньячка... – удивленно протянул этот трезвенник, разглядывая рюмки и шоколадку.

И тут меня прорвало. Со слезами и соплями из моего организма вытекло, наверное, все вино, что выпила в кафе. Альберт обнял меня, прижал к груди.

– Ну успокойся, – поглаживая по плечам, по волосам одной рукой, второй разливая коньяк в рюмки, уговаривал зять. – Ты ела что-нибудь?

– Нет, у меня только шоколадка, – всхлипывала я.

Какие у него плечи! По мне, самое привлекательное место у мужчины – широкие плечи. Как у Козырева.

– Пойдем в нашу квартиру, там Надежда перед отъездом всего наготовила.

Бутылку я прихватила с собой. Он опять наполнил рюмки под котлеты с подливкой и салат оливье. Котлеты у Надьки вкусные. Все у нее, заразы, получается! И неожиданно меня понесло – я этому малознакомому Альберту изложила историю своей несчастной любви, подпирая рукой голову и поправляя разъезжающиеся полы халата.

– Все у тебя будет хорошо – ты молодая и красивая! – убеждал он.

– Правда красивая? – мне хотелось уточнить этот момент.

– Чистая правда, – ответил Альберт, беря меня в охапку.

...И отнес на руках в мою квартиру. Положил на постель, накрыл одеялом. И ушел... Черт, ну просто день сурка! Это уже слишком. Еще и постель вся мокрая от пролитой Сашкой воды. А у меня же есть ключи от соседней квартиры...

Тихонько провернув ключ в замке, вошла в темную прихожую, прокралась в комнату. Альберт спал сном праведника. Сбросив халат, нырнула к нему под одеяло. О, он спит без трусов... Я не оставила ему выбора в поступках. Потом еще раз не оставила выбора. Ночью так же тихо ушла. Пусть думает, что я ему приснилась...

ТАНЬКА

...Вот я и мужняя жена – Козырева Татьяна Валерьевна. К новой фамилии еще предстоит привыкать. Саша меня на руках носит, буквально, и зря мама плакала на регистрации и вообще отговаривала меня от брака – при чем тут его семья, ведь он – сам по себе, отдельная личность, взрослый человек. Какое же это необычное ощущение – принадлежность к другому человеку, чувство, что ты его часть, а он часть тебя...

...Накануне свадьбы Саша, загадочно попросил присесть на диван и закрыть глаза. Закрыла. Он взял мою руку. Что-то холодное коснулось запястья.

– Открывай!

Браслет. С изумрудами.

– С ума сошел! Это же безумно дорого!

– Для любимой жены ничего не жалко, – прошептал он прямо в ухо и подал коробочку.

А в ней – серьги, тоже с изумрудами. Жаль, что дырочек в ушах у меня нет. И от его горячего дыхания, от блеска красивых камушков стало так тепло и радостно, что захотелось плакать.

Я очень переживала – как пройдет свадьба. В основном из-за свидетельницы, от Ленки всего можно ожидать. Напилась тогда в кафе и к Сашке потом приставала, он мне сам рассказал. Я уже и пожалела, что пригласила ее. Так что белое платье на подружке невесты – не самое худшее, а то, что чересчур уж откровенное, – да пусть потешится. Парням понравилось!

Мое-то платье – с выпускного. Хотела купить что-то готовое, но инициативу взяли в свои руки мама с тетей Наташей: всю ночь нашивали блески на лиф моего выпускного платья, отпортили шлейф, соорудили из него фату. Классно получилось, правда, в груди немного тесновато, но ничего. Украшения, подаренные Сашей, я вытащила из шкатулки перед самой поездкой в загс. Мама про них спросить не успела, а потом, видимо, забыла. На регистрации она всплакнула, тетя Наташа почему-то вместе с нею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.